

Столица государства Цинъюэ, город Наньхуа.

— Прибыл посланник из Высшего мира!

Резкий, пронзительный голос разорвал утреннюю тишину. В нём сквозило нарочито усиленное почтение, которое эхом разнеслось по всем уголкам величественного дворцового комплекса. Под взглядами множества людей, застывших в благоговейном страхе, тяжёлые ворота дворца медленно отворились, издав гул, подобный пробуждению древнего зверя.

Засверкали магические огни. Впереди, чеканя шаг, двигались два отряда стражников в серебряных доспехах. Их аура была глубока и бездонна, как океан. Каждый их шаг заставлял землю слегка содрогаться, а невидимое давление, подобно материальной стихии, безмолвно раздвигало толпу коленопреклонённых людей, прокладывая широкую прямую дорогу. Вслед за стражниками шли шестнадцать девушек в белоснежных одеяниях из перьев. Их лица были бесстрастны, в руках они держали нефритовые метелки-фучэни, а ступали они так легко, что не касались пыли. Вокруг них струился тонкий свет, казалось, способный очистить мир от любой скверны. Замыкали процессию восемь старцев в тёмных мантиях, украшенных звёздным узором. Их ауры были ещё более скрытными, а в центре, паря в трёх футах от земли, медленно двигался нефритовый паланкин.

Паланкин был выточен из цельного куска безупречного Звёздного нефрита, от которого исходило мягкое, но ослепительное сияние. На его стенках были вырезаны сложные, таинственные руны, незримо резонирующие с энергией неба и земли. Шторы, сотканые из странного материала, в котором переливались искорки звёзд, скрывали всё происходящее внутри от любопытных глаз. Лишь смутный силуэт сидящего человека угадывался за этой завесой.

Вся церемония встречи проходила в давящей, почти осязаемой тишине. Правитель Цинъюэ вместе со всеми вельможами и военачальниками уже давно стоял на коленях на площади из белого нефрита перед воротами. Каждый затаил дыхание, низко склонив голову и не смея проявить ни малейшей небрежности. Воздух словно превратился в тяжёлый свинец, мешая дышать. Слышались лишь слабое гудение паланкина да холодный лязг доспехов стражи.

Чи Чжао, будучи принцессой Цинчжао, разумеется, тоже находился среди коленопреклонённых, чуть позади правителя. Он низко опустил голову, и густые ресницы скрыли большую часть лица, обнажив лишь идеальную линию бледного подбородка. На нём было пышное придворное платье, подобающее принцессе: слои тончайшего шёлка, расшитые узорами из птиц луань и пионов, выглядели невероятно роскошно. Однако под этой одеждой, символизирующей знатность и чистоту, его тело было напряжено, как натянутая тетива лука.

И дело было вовсе не в чудовищном давлении, от которого задохнулись даже воины уровня Мастеров духа — для него это давление было лишь досадным шумом. По-настоящему его кожа горела от ледяного присутствия, которое, словно паразит, намертво вцепилось в него изнутри паланкина.

Это намерение было высокомерным и равнодушным, словно взгляд судьи. Оно не пыталось изучить его уровень совершенствования, а действовало как самый точный зонд, раз за разом сканируя его тело. Особое внимание уделялось его врождённому телу соблазна — полю странного очарования, которое постоянно воздействовало на окружающих. Каждый раз, когда это намерение проходило по нему, Чи Чжао чувствовал себя так, будто его пронзают холодными серебряными иглами. Глубоко в душе росло чувство унижения — его оценивали как вещь, как товар.

Руки, спрятанные в широких рукавах, сжались в кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Острая боль была ничем по сравнению с тем духовным давлением, которое он испытывал. Он отчётливо чувствовал, как сидящий в паланкине посланник Высшего мира изучает его — то ли как редкую диковинку, то ли как потенциальную угрозу, а может, как дефектный товар, подлежащий уничтожению.

— Врождённое тело соблазна... Действительно, слухи не лгут, — холодный, лишённый эмоций женский голос прозвучал прямо в сознании Чи Чжао, подобно удару холодного нефрита о камень. — Столь порочное тело, способное смущать умы, в нижнем мире — истинное семя бедствия.

Голос звучал на уровне души, неся в себе неоспоримую силу закона, холодно вынося приговор его первородному греху.

Тело Чи Чжао едва заметно дрогнуло. Не от страха, а от ярости, которую он с трудом подавлял. Ему хотелось разорвать эту фальшивую торжественность и разнести паланкин в щепки! Он до крови прикусил внутреннюю сторону щеки, чувствуя во рту привкус металла. Принцесса заставила себя склониться ещё ниже, скрывая за прядями волос ледяное пламя, вспыхнувшее в глазах. Все его навыки актёрской игры достигли предела: он изображал испуганную, дрожащую от ужаса слабую девушку, поражённую внезапным божественным гласом.

— Посланник... госпожа... — с трудом отозвался он в своём сознании, голос его мелко дрожал.
— Чжао'эр... Чжао'эр не хотела... это тело... не моя воля... молю, будьте милосердны...

Каждое слово было пропитано беспомощностью и обидой, идеально передавая образ несчастной женщины, ставшей игрушкой судьбы.

Ледяное намерение задержалось в его сознании на мгновение, словно оценивая, искренен ли этот страх. Вскоре женский голос раздался снова, с ноткой равнодушного снисхождения:

— Является ли это бедствием, ещё предстоит выяснить. Советую тебе вести себя благоразумно и не совершать ошибок.

Холодная духовная энергия отхлынула, подобно отливу, и давящее ощущение исчезло.

Паланкин не остановился. Под взглядами множества людей он медленно въехал вглубь дворца.

Тяжёлые ворота вновь закрылись, отрезая внутренний мир от внешнего. Люди на площади наконец смогли вздохнуть с облегчением и подняться. У многих спины были насквозь мокрыми от холодного пота.

Правитель Цинъюэ, бледный как полотно, быстро подошёл к Чи Чжао. В его голосе слышались страх и глубокая тревога:

— Чжао’эр... ты в порядке? Только что... кажется, та посланница...

— Отец, не стоит беспокоиться, — Чи Чжао поднял голову. На его лице появилось выражение бледности и усталости, глаза затуманились, и он выдавил из себя слабую, успокаивающую улыбку. — Госпожа посланница... просто наставляла меня соблюдать приличия. Я всё запомнил.

Он слегка тяжело дышал, словно действительно был сильно напуган. Только он сам знал, какая ледяная, пронзительная жажда убийства клокотала под этим дыханием.

<http://bllate.org/book/18948/1857279>